

упорный и изворотливый защитник, ни при каких обстоятельствах не теряющий присутствия духа.

В девятнадцать лет он выиграл матч у Рудольфа Шпильмана, имевшего тогда репутацию одного из сильнейших в мире. И хотя в последующих двух матчах со Шпильманом победа снова была на стороне Элисказеса, имя Шпильмана, в первую очередь из-за искрометного комбинационного стиля, значительно более известно в мире шахмат.

В 1936 году состоялся Третий московский международный турнир. Пяти сильнейшим советским мастерам противостояло пять иностранных гроссмейстеров. Ласкер, Капабланка, Лилиенталь и Флор уже не раз бывали в Советском Союзе, а «несомненно, один из самых талантливых представителей молодого поколения западноевропейских мастеров», как писали об Элисказесе в турнирном сборнике, был неизвестен советским любителям шахмат, быстро переименовав его фамилию в «еле скажешь». Эли впервые играл в таком сильном турнире и после первого круга занимал чистое последнее место. Второй круг он начал с двух рядовых побед, закончив соревнование дележом седьмого-десятого мест с Левенфишем, Рюминым и Каном. Это был единственный приезд Элисказеса в Советский Союз.

Элисказес был большим поклонником «нового порядка», установившегося в Германии, и не делал из этого секрета. Принимая участие в турнирах, он нередко перед игрой вскидывал руку в нацистском салюте. Александр Кобленц рассказывал, что именно так приветствовал его Элисказес перед партией на турнире в Милане в 1938 году.

Еще в начале тридцатых годов Элисказес был очень дружен с доктором Гейгером из Тироля, членом нацистской партии, запрещенной в то время в Австрии. «Я никогда не был членом партии, хотя должен признать, что частично разделял многие политические идеи национал-социализма, особенно объединение всех немцев», — говорил сам Элисказес после войны.

Он был шахматным профессионалом, и, являясь одним из лучших мастеров Шахматного союза Великой Германии, как именовалась немецкая шахматная федерация, чувствовал себя в тот период отлично. «Жизнь в Третьем Рейхе для шахматистов была превосходной, — вспоминал Элисказес, — если ты не был евреем, разумеется».

Нет никакого сомнения, что сотрудничество с Алехиным в 1937 году очень благотворно сказалось на игре Элисказеса: в следующем

году он первенствовал в сильном турнире в Нордвике, опередив Эйве и Кереса. Элисказес выиграл в этот период шесть турниров кряду и убедительно победил в матче Ефима Боголюбова (+6-3=11).

На Олимпиаде в Буэнос-Айресе в 1939 году Элисказес выступал за команду Германии: Австрия как самостоятельная страна после «аншлюсса» больше не существовала. Получив приглашение возглавить немецкую сборную, Элисказес поначалу отклонил предложение, но шахматные бонзы продолжали настаивать, и Эли, поразмыслив, согласился. Сильнейшую команду немцам собрать все же не удалось: Боголюбов, как всегда, запросил слишком высокий гонорар, а Курт Рихтер не хотел куда-то уезжать из своего Берлина.

В конце концов поездка в Южную Америку оказалась для Элисказеса весьма кстати: несмотря на неважное здоровье, с перспективой быть призванным в армию надо было считаться, а когда во время Олимпиады началась Вторая мировая война, эта перспектива приобрела реальные очертания. Конечно, можно было надеяться, что Ганс Франк или какой-нибудь другой высокий чин Третьего Рейха, любящий шахматы, поможет ему пристроиться на синекурную должность, как это произошло с Земишем, однако и отправку на фронт исключить было нельзя.

После окончания Олимпиады Элисказес решил не возвращаться в Германию. И не он один: почти вся немецкая сборная осталась в Южной Америке: один член команды был коммунистом, другой гомосексуалистом, у третьего, как и у Элисказеса, тоже были свои причины не возвращаться на родину.

Алехин очень высоко ценил талант Элисказеса и прочил ему блестящее будущее. Печально известную статью в «Паризер Цайтунг», написанную в 1941 году, чемпион мира закончил словами. «Будет очень полезно для мировых шахмат, если чемпионом мира станет, например, Керес или Элисказес. И если один из них действительно станет сильнейшим, то я восприму это без всякой зависти. Кто же наилучший? У Кереса очень привлекательный стиль, напоминающий Морфи, но шахматы Элисказеса шире: они производят впечатление шахмат действительно мирового уровня. Неужели это всего лишь случайность, что Элисказес победил эстонского гроссмейстера в 1937 году в Земмеринге и в 1939 году в Буэнос-Айресе?»

Хотя Алехин сравнил Кереса и Элисказеса, следует признать, что результаты эстонского гроссмейстера впечатляли больше. Соревнования, которые он выигрывал, были рангом повыше, а на турнире в Зем-

меринге, о котором пишет Алехин, Керес, хоть и проиграл Элисказесу, в конечном итоге опередил австрийца на три очка, с блеском выиграв соревнование и оставив за собой Файна, Капабланку, Решевского и Флора.

Что действительно было общее у Кереса и Элисказеса, так это профессия отцов: оба они были портными. И еще: в начале своей карьеры Керес и Элисказес много и очень успешно играли в шахматы по переписке. Кроме того, один и другой побеждали Капабланку и... Фишера. Учитывая, что время развело кубинского и американского гениев на несколько десятилетий, похвастаться этим могли только шахматные долгожители Эйве и Решевский.

Оставшись в Аргентине, Элисказес на первых порах зарабатывал на жизнь, давая сеансы одновременной игры и принимая участие в турнирах. В 1941 году он переехал в Бразилию, работал шахматным тренером и давал уроки бриджа. Так как Бразилия прервала всякие отношения с Германией, положение Элисказеса, все еще имевшего немецкий паспорт, стало угрожающим. Ему грозила депортация, но влиятельные шахматные друзья помогли ему получить гражданство Бразилии. Он прожил в этой стране до 1951 года, потом вернулся в Аргентину, женился, став гражданином и этой страны.

Хотя еще до Второй мировой войны он считался гроссмейстером, официально этот титул ФИДЕ присвоила Элисказесу, как и Боголюбову, только в 1952 году, а не двумя годами раньше, как большинству сильнейших довоенных шахматистов. Специальная комиссия ФИДЕ изучала поведение обоих во времена Третьего Рейха, но не нашла ничего предосудительного.

Элисказес выиграл сильный турнир в Мар-дель-Плате в 1948 году (+9-0=8) впереди таких гроссмейстеров, как Штальберг, Найдорф и Сабо, но на межзональном турнире в Сальтшобадене был только десятым; наступила гегемония советских шахмат. Он продолжал играть в турнирах, время от времени показывая высокие результаты, но таких звонких успехов, как до войны, у него больше не было.

В начале пятидесятых годов он возвратился в Австрию, но климат страны показался его жене-аргентинке слишком суровым, да и сам Эли привык к южноамериканскому менталитету. Через год Элисказесы вернулись в Аргентину. Он играл в шахматы еще в семидесятых, но успехи постепенно сошли на нет.

Последние годы Элисказеса не были легкими: его одолевали болезни и частые депрессии. Он решил выпустить сборник своих лучших

партий, начал было комментировать их, но книга не успела увидеть свет: Элисказес умер в 1997 году в аргентинской Кордове.

Он защищал цвета трех стран на шахматных Олимпиадах: Австрии (1930, 1933, 1935), Германии (1939) и Аргентины (1952, 1958, 1960 и 1964). На первой доске за аргентинскую команду играл тогда Мигель Найдорф, вся семья которого погибла в лагере в Польше во время Второй мировой войны. Конфликтов у обоих гроссмейстеров, по рассказам, не возникало.

Несмотря на то, что Элисказес очень быстро достиг в шахматах самых вершин, в нем не было какой-либо заносчивости или высокомерия. Коллеги говорили о нем как о вежливом, обходительном и приятном в общении человеке.